

**Мировоззренческое влияние
древнегреческой мысли на раннее христианство
(на примере концепта любви)**

Зародившись на Ближнем Востоке, христианство окончательно сформировалось в греко-романском мире – мире господства греческой философской мысли и римского права. Само иудейское общество в момент рождения Спасителя уже было сильно эллинизировано за годы владычества греческих династий Птолемеев и Селевкидов, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что большая часть правителей Иудеи сначала из династии Хасмонеев, а затем и Иродиадов носили греческие имена. Римская власть не только не убавила степени эллинизации иудейского общества, а, наоборот, усилило ее, ведь покоривший греков Рим сам ориентировался на их культуру и искусство. В данной связи характерны строки древнеримского поэта Горация: «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, в Лаций суровый внеся искусства» [8]. Вдобавок ко всему, древнегреческий койне уже долгие годы служил языком межнационального общения по всему Средиземноморью.

Последующие несколько столетий осмысления учения Христа, христологических споров и канонизации священных христианских текстов также проходили в условиях господства греческой культуры и образа мысли. Греческий язык, а не древнееврейский или арамейский стал

языком христианства. Евангелие – «благая весть» о явлении Спасителя – было написано и распространилось на греческом языке. Наконец, большинство понятий новой религии представляли собой греческие термины: Христос (помазанник), еkkлeсия (собрание, церковь), Евхаристия (благодарение, причастие), ортодоксия (православие), уже упомянутое Евангелие и др. Все это не могло не сказаться на христианстве не только с внешней, обрядовой стороны (что бросается в глаза даже при поверхностном сравнении с религией древних греков), но отчасти и с содержательной. Вместе с языком приходят ценности; и греческое разграничение материи и духа, тела и души перешло в христианское сознание и сформировало христианскую систему чувств.

Разумеется, главная христианская идея воплощения, смерти и физического воскресения всемогущего Бога была для эллина отсутствием здравого смысла [2: 1227], однако, этическая сторона христианства многое позаимствовала у древнегреческой философии. Так, Павел и Лука, которым принадлежит в целом около половины текста Нового Завета, обнаруживают близкое знакомство с греческой философией и большой интерес к стоицизму. Стоическая философия самоотрицания провозглашала всеобщее братство людей, основываясь на убеждении, что каждый человек несет в себе искру божественного, соединяющую его с Богом, которого стоики называли Логосом (Слово, Идея, Смысл), – и это понятие было воспринято христианством в виде одного из эпитетов Христа. Нельзя считать совпадением и то, что христианское монашество берет начало на греческом Востоке и в значительной степени напоминает сообщества пифагорейцев и их духовных наследников – платоников, живших общинами, соблюдавших обеты и отвергавших жизнь в миру [3: 334].

Мировоззренческое влияние древнегреческой философии на христианство удобно рассматривать на примере концепта любви, прежде всего потому, что данное понятие является центральным в христианском вероучении – по словам евангелиста Иоанна Богослова, «Бог есть любовь» [2: 1109], но, кроме того, любовь как явление играет колоссальную роль во многих культурах – почти все художественных произведения различных народов мира прямо или косвенно связаны с любовным сюжетом.

В Новом Завете понятие любви в большинстве случаев выражено термином «агапе» («агапи» по-новогречески) и иногда как «филия», в то время как в самом древнегреческом языке терминов, переводимых на русский язык как любовь, было четыре: эрос, филия, сторге («сторги» по-новогречески) и агапе. «Эрос» обозначало физическое, страстное

влечение; «филия» – дружескую любовь, преданность; «сторге» – родственную любовь, подобно тому, как родитель любит свое дитя; «агапе» – любовь возвышенную, жертвенную, бескорыстную и ничем не обусловленную (дружеской или родственной связью).

Смысловые оттенки этих слов обусловили выбор терминов «агапе» и «филия» в книгах Нового Завета. В случаях, когда повествование идет о бескорыстной, жертвенной любви, любви-самоотдаче (любви-даре в терминологии К.С. Льюиса [5: 208]) используется слово «агапе». В обстоятельствах же описания дружеской любви, дружеской верности применяется термин «филия» (собственно, в современном греческом языке понятие «филия» означает в том числе и дружбу).

Так, в 2:15 Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова значится: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» [2: 1113]. В греческом оригинале этот же фрагмент выглядит так: «Μὴ ἀγαπᾶτε τὸν κόσμον μηδὲ τὰ ἐν τῷ κόσμῳ. ἔάν τις ἀγαπᾷ τὸν κόσμον, οὐκ ἔστιν ἡ ἀγάπη τοῦ πατρὸς ἐν αὐτῷ» [8]. Здесь использован термин «агапе», так как любовь подразумевается духовная, возвышенная. В другом месте Нового Завета, в 20:2 Святого благовествования от Иоанна мы видим: «Итак, бежит и приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» [2: 879]. В оригинале: «Τρέχει οὖν καὶ ἔρχεται πρὸς Σίμωνα Πέτρον καὶ πρὸς τὸν ἄλλον μαθητὴν ὃν ἐφίλει ὁ Ἰησοῦς, καὶ λέγει αὐτοῖς: ἦραν τὸν Κύριον ἐκ τοῦ μνημείου, καὶ οὐκ οἶδαμεν ποῦ ἔθηκαν αὐτόν» [9]. В этом фрагменте использован термин «филия», поскольку речь идет о дружеской любви, несмотря на то, что любовь эта исходит от Христа. Очевидно, что евангелист указывает на любовь по человеческой природе Спасителя.

Приведенное небольшое сравнение свидетельствует о том, что если бы мы опирались исключительно на русский перевод Писания (или на любой другой перевод), то разница в коннотациях концепта любви не была бы очевидна, что создало бы основания для богословских полемик, а, возможно, даже возникновению еретических взглядов, что не раз имело место в истории христианства. Именно поэтому необходимо всякий раз обращаться к оригиналу – древнегреческому языку, явившемуся универсальным и уникальным инструментом толкования утонченных христианских категорий. Неслучайно именно на древнегреческом языке (а не на латинском, к примеру) велись христологические диспуты во времена раннего христианства, составлялись обличительные трактаты против ересей и, вне всякого сомнения, богатство и исключительное творческое начало греческого языка обусловили рождение непрезой-

денной древнегреческой философии, многие представители которой за много лет до рождения Спасителя исповедовали близкие к христианству идеи, за что впоследствии были наречены «христианами до Христа».

Многие исследователи отмечали провиденциальную роль греческого языка в развитии христианского миропонимания. К примеру, известный православный историк В.Л. Махнач подчеркивает, что ни на каком другом языке не могло быть написано христианского Священное Писание, отмечая, что «...это язык философии, язык тончайших нюансов, тончайших смысловых оттенков. Как отмечали иные богословы, христианское богословие вообще не могло быть создано на другом языке, кроме греческого. А если так, то Господь сам избрал носителей греческого языка быть основными отцами Церкви, быть великими богословами» [6].

Некоторые исследователи идут дальше, отдавая должное не столько языку, сколько конкретно древнегреческому гению. В частности, один из составителей знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Н.И. Барсов писал: «склонность к отвлеченному мышлению о предметах высшего порядка, способность к тонкому логическому анализу составляли природные свойства греческого народного гения. Отсюда понятно, почему греки скорее и легче, чем другие народы, признали истинность христианства и воспринимали его целостнее и глубже» [1]. Так или иначе эллинский образ мысли оказал значительное влияние на христианское мировоззрение, а, следовательно, христианам подобает полагать себя потомками не только библейской традиции, но в определенной степени и древнегреческой. В особенной степени это правомерно для православных христиан, чья духовно-мистическая одаренность (в противовес рационализму западных христиан) ведет начало от древнегреческой мирозерцательной традиции [10: 363]. Солидарен с этой точкой зрения, в частности, протоиерей Георгий Флоровский, подчеркивая, что отказ от греческого наследия означает церковное самоубийство и что «...свою независимость от западных влияний Православное богословие сможет восстановить только через духовное возвращение к отеческим истокам и основаниям» [7: 649].

Библиографический список

1. Барсов Н.И. Православие. URL: <http://religio.rhga.ru/upload/iblock/0ed/Барсов%20Н.%20И.%20Православие.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).
2. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 2007. 1326 с.
3. Кахилл Т. Греческое наследство: чем цивилизация Запада обязана эллинам? СПб.: Амфора, 2006. 346 с.
4. Любовь. URL: <https://azbyka.ru/lyubov> (дата обращения: 08.01.2018).
5. Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда: Притчи. Трактаты: Пер. с англ.

М.: Республика, 1992. 432 с.

6. Махнач В.Л. Падение Византии 1204. URL: <https://www.proza.ru/2015/09/28/660> (дата обращения: 09.01.2018).
7. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
8. Эстетика Горация. URL: http://historylib.org/historybooks/Boris-Aleksandrovich-Gilenson_Istoriya-antichnoy-literatury--Kniga-2--Drevniy-Rim/85 (дата обращения: 08.01.2018).
9. Καινή Διαθήκη. URL: <http://kainidiathiki.agiooros.org/index.php> (дата обращения: 08.01.2018).
10. Осипов С.К. Влияние протестантизма на формирование современного капиталистического общества // Вестник ПГЛУ. 2011. № 3. С. 362-366.